

УДК 343.130

А.Л. Савенок, кандидат юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь

О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Рассматриваются вопросы криминологической обусловленности уголовного закона. Отмечается, что формирование уголовного закона, его содержание, а также уголовно-правовое законотворчество в значительной степени должны определяться различного рода криминологическими явлениями, а также состоянием всей преступности. Представляя собой сложное социальное явление, преступность характеризуется количественными и качественными показателями: объемом (состоянием), интенсивностью (уровнем), динамикой и структурой. Каждый из них играет свою особую роль в оценке преступности, но, взятый в отдельности, не может дать объективного представления о ней. Только во взаимосвязи друг с другом показатели преступности могут нести определенную ясность. В одних случаях они ведут к изменению уголовно-правовых норм (уголовного закона), а в других к их отмене (декриминализации). Изучение этой зависимости и разработка соответствующей методологии позволит сформулировать концепцию криминологической обоснованности уголовного закона.

The questions of criminological conditionality of criminal law are discussed in the article it is stressed that the formation of criminal law, its contents, as well as criminal legal legislation should be defined by different kinds of criminological phenomenon and the state of the whole criminality. Being a complex social phenomenon criminality is characterized by quantitative and qualitative indices: volume (conditionality), intensity (level), dynamics and structure. Each of them plays a special role in estimation of criminality, but, taken separately, it cannot represent objective presentation of it. Only in interconnection with each other indices of criminality represent definite clearness. In one case they lead to the changes of criminal-legal norms (criminal law), in other cases they lead to their abolition (discriminalisation). The study of this dependence and development of correspondent methodology allows to formulate the concept of criminological validity of criminal law.

Одним из основных требований, предъявляемых к уголовному закону, является его социальная обусловленность (обоснованность), т. е. соответствие объективным потребностям и тенденциям общественного развития. В свою очередь, важнейшей составной частью социальной обусловленности уголовного закона является изучение зависимости его содержания от количественных и качественных показателей преступности. Данное требование означает необходимость криминологического обоснования уголовно-правового законотворчества, о чем не раз упоминалось в юридической литературе. Так, например, А.В. Наумов отмечает, что дальнейшее повышение воспитательного и предупредительного воздействия уголовно-правовых норм требует приведения уголовного законодательства в точное соответствие с криминологической характеристикой преступности, ее структурой и динамикой. Более того, с точки зрения указанного ученого, анализ состояния, структуры и динамики преступности должен стать одним из принципов построения уголовного законодательства [11, с. 21–22]. По мнению П.С. Тоболкина, внешней средой, вызывающей к жизни нормы уголовного права, выступает прежде всего преступность как специфическая система, состоящая из совокупности совершенных преступлений, имеющая определенное качественное и структурное содержание и социально обусловленные закономерности [17, с. 26]. Следовательно формирование уголовного закона, его содержание, а также уголовно-правовое законотворчество в значительной степени должны определяться различного рода криминологическими явлениями, а также состоянием всей преступности. Как невозможно рассматривать преступность в отрыве от уголовного закона, так нельзя рассматривать уголовный закон в отрыве от преступности. Поэтому очень важно выявить эти закономерности и реально применить их при совершенствовании всего уголовного закона или же отдельных его институтов и норм. Иными словами, речь идет о необходимости постоянной криминологической оценки обоснованности тех или иных проектируемых законодательных новаций в области уголовного права. Опираясь на данные различных наук, именно криминология в значительной степени должна осуществлять прогноз преступности, тем самым предопределяя направления совершенствования уголовно-правовой политики и развития уголовно-правового законотворчества. Как верно заметил И.Я. Козаченко, отсутствие надлежащей работы в этом направлении может рассматриваться одной из причин низкой эффективности уголовного законодательства [6, с. 16–21].

Однако необходимо заметить, что, несмотря на важность, проблема криминологической обусловленности уголовного закона остается одной из наименее исследованных. До настоящего времени в научной литературе не дано четкое определение криминологической обусловленности уголовного закона. Среди ученых отсутствует единство в вопросе разграничения

криминологических и уголовно-правовых исследований, возможностей использования результатов таких исследований в уголовно-правовом законодательстве. Нет также ясности в вопросе о том, как должны влиять показатели преступности на изменения уголовного закона. Кроме того, в научной литературе нет однозначного ответа на вопрос о том, все ли уголовно-правовые нормы должны иметь криминологические основания.

Рассматривая обозначенные проблемы, нельзя не отметить, что ранее учеными предпринимались отдельные попытки обратить результаты достижений криминологической науки на формирование и совершенствование уголовного закона. Особенно это становится актуальным при внесении предложений по криминализации (декриминализации) деяний. Такие изыскания проводились ранее и, конечно же, будут проводиться в будущем, поскольку совершенствование уголовного закона осуществляется постоянно. Однако данный процесс результативен только тогда, когда он носит двусторонний характер. Криминологию нельзя представлять как науку, призванную обслуживать уголовное право. Эти науки должны дополнять и обогащать друг друга [1, с. 79–89; 3, с. 118–120]. Как точно заметил Р.Д. Шарапов, процесс воссоединения уголовно-правовых и криминологических знаний, если его представлять только в контексте криминологической обоснованности уголовного закона, выглядит односторонне [20, с. 76]. К сожалению, криминологические и уголовно-правовые исследования часто оторваны друг от друга. Как следствие, вносимые предложения по совершенствованию уголовного закона носят односторонний характер и малопригодны для законодателя.

Являясь неотъемлемым спутником общества, преступность носит в целом объективный характер. В то же время известно, что процессы криминализации (декриминализации) имеют под собой не только объективные, но и субъективные основания (политическая воля законодателя). При этом заметим, что соотношение между объективными и субъективными основаниями не простое. Тем более, как верно заметили В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов, многие советские юристы в противовес западным считали криминализацию процессом сугубо объективным [9, с. 46–50]. И, несмотря на то что еще в 1986 г. Л.И. Спиридонов попытался найти более взвешенный подход к этой проблеме [16, с. 97], до настоящего времени среди ученых единства нет.

Несмотря на всю значимость, научная разработка уголовно-правового законодательства еще не носит системного характера. Предложения о криминализации (декриминализации) деяний нередко представляют собой малообоснованное мнение тех или иных авторов без четкой взаимосвязи уголовного права и криминологии. Использование лишь статистических данных о преступности часто бессмысленно, поскольку они подвержены конъюнктурным влияниям и отражают не состояние преступности, а практику реагирования правоохранительных органов на регистрацию правонарушений и личное отношение потерпевших к совершенному деянию. Криминологи по этому поводу верно отмечают, что реальная преступность значительно отличается от той, которую фиксирует официальная статистика. Все это не может не влиять на процесс уголовно-правового законодательства, его согласованность и последовательность. Кроме того, как верно указывает А. Жалинский, в уголовно-правовой науке не решен ее основной вопрос о том, какова действительно роль уголовного закона и в особенности каково действительное воздействие уголовного права на поведение людей. По мнению ученого, никем и нигде не доказана связь и уж тем более не показана теснота связи динамики преступности с изменениями уголовного законодательства [4, с. 21].

Первые попытки криминологической обусловленности отдельных преступлений начали осуществляться в 70-х гг. прошлого века. Примером могут служить исследования Э.Ф. Побегайло [14] и А.А. Герцензона [2], в которых на высоком методологическом уровне дан криминологический анализ некоторых преступлений. Однако последовавшие после этого многочисленные публикации, в названии которых акцентируется внимание на криминологический аспект, во многом оказались невостребованными законодателем. Как представляется, основная причина в том, что содержащиеся в них предложения по совершенствованию уголовного закона в большинстве случаев не вытекали из криминологической характеристики рассматриваемых явлений. Поэтому, как справедливо отметил С.Ф. Милуков, до начала 90-х гг. прошлого века криминология и уголовное право развивались скорее рядом, чем вместе [10, с. 46].

Первым монографическим исследованием криминологической обусловленности уголовного права явилась работа В.Д. Филимонова [18]. В ней рассмотрены криминологические основа-

ния установления, изменения и отмены уголовно-правовых норм, а также анализ криминологических оснований их содержания и юридического выражения. Однако ввиду чисто теоретического подхода к анализу законодательных установлений данная работа не привлекла к себе пристального внимания ученых. К сожалению, автором не использованы в должной мере социологические сведения о преступнике и преступности. Безусловно, во многом это было связано с закрытостью в советский период различных статистических данных и общим развитием криминологической науки.

Следующим важным шагом в изучении рассматриваемой проблемы явилась монография Л.И. Спиридонова [16]. В ней автор предпринял попытку применить социологические принципы правоведения в изучении уголовного права. К сожалению, основные категории уголовного права ученым были рассмотрены не с криминологических подходов, а с точки зрения социологии и теории государства и права. При этом отметим, что исследование проводилось на базе марксистско-ленинской философии и многие положения являются достаточно спорными с позиции современных подходов.

Нельзя также обойти вниманием учебное пособие, подготовленное А.М. Яковлевым [22]. В нем достаточно подробно излагаются наиболее важные проблемы общей теории социологии преступности. Вместе с тем вопросы криминологической обоснованности уголовного закона почти не рассмотрены.

Указанные выше исследования, к сожалению, не смогли серьезно повлиять на разработку криминологической обусловленности уголовного закона. Значительным вкладом в изучение этой проблемы явилось исследование С.Ф. Милюкова [10]. В его диссертации рассмотрен ряд положений действующего уголовного законодательства России с точки зрения их криминологической обоснованности. Автор предпринял попытку создания концепции криминологической обусловленности уголовного права в целом, его отдельных институтов и норм в частности, с тем чтобы обеспечить их максимальную социальную адаптированность. Тем самым начата разработка нового направления криминологии, которое в будущем, по мнению указанного ученого, призвано оформиться в ее самостоятельную отрасль – криминологию уголовного права (закона).

Однако, несмотря на актуальность проведенного исследования, внесение значительного числа конкретных и обоснованных предложений по совершенствованию уголовно-правовых институтов и норм, нельзя не заметить, что подавляющее большинство суждений С.Ф. Милюкова мало связаны с показателями преступности. Принципиально новые предложения по совершенствованию важнейших институтов Общей и Особенной частей действующего уголовного закона России не являются результатом разработки и применения оригинальной методики исследования криминологической обусловленности уголовного закона. Поэтому говорить о формировании новой отрасли – криминологии уголовного закона, не имея соответствующих методологических основ, еще преждевременно.

Используя криминологические исследования при совершенствовании уголовного закона, важно не забывать, что, имея общие задачи и составляя определенное единство в вопросах обеспечения защиты общества от преступности, методы уголовного права и криминологии все же различны. Уяснение данных различий существенно для определения того, что же представляет собой криминологическое изучение преступника и преступности, каковы специфические методы криминологической науки, каков специфический предмет криминологии. В науке к числу главных проблем, образующих основу предмета криминологии, относят: а) преступность; б) отдельные преступления как проявления преступности; в) личность преступника; г) причины и условия отдельных преступлений; д) предупреждение преступности и отдельных преступлений [3, с. 118]. Следовательно предметом криминологии являются не сами уголовно-правовые нормы, а те негативные явления, о которых идет речь в уголовном законе.

Являясь наукой о преступности, криминология органически включает в себя два основных момента – уголовно-правовой и социологический [22, с. 7]. Характеризующие предмет криминологии, оба этих аспекта являются крайне необходимыми. Нигде кроме как в уголовном законе не содержится определение того, что есть преступление, кого и при каких условиях уголовный закон относит к преступнику. Следовательно исходным моментом криминологического исследования является такое общественно опасное деяние, признаки которого определены в

уголовном законе. Именно по этому критерию определенная часть поведенческих актов подпадает под действие уголовно-правовых норм.

Отмечая тесную взаимосвязь уголовного права и криминологии, Э.А. Саркисова пишет, что «уголовное право как ни одна другая наука взаимодействует с криминологией, базируется на ее достижениях, выводах, положениях. Основной теоретической базой для криминологической науки из числа специальных правовых дисциплин является уголовное право, формирующее основные, необходимые для криминологии понятия и категории. Криминология как наука исходит от уголовного права, поскольку все явления, изучаемые ею, связаны с нарушением уголовно-правовых запретов» [15, с. 7]. По мнению указанного ученого, обе науки должны быть сближены на основе общей проблемы – предупреждения преступности.

В методологическом плане интересные предложения высказаны В.В. Ореховым. Он указывает, что по предмету и задачам изучения между криминологией и социологическим исследованием в уголовном праве как одним из аспектов исследований в уголовном праве существует достаточно четкое различие. Исследование причин преступности социологическими методами есть криминология, а исследование институтов и норм уголовного права, его эффективности такими же методами относятся не к криминологии, а к уголовному праву, входит в предмет данной науки [13, с. 67–68].

Однако само по себе применение социологических методик к изучению преступности еще не свидетельствует о том, является ли данное исследование уголовно-правовым или криминологическим. Метод исследования недостаточно говорит о его предмете. Если допустить, что любое применение социологических методов при изучении преступности есть криминология, то получается, что в науке уголовного права места для таких исследований не останется [2, с. 50–52]. Этим самым уголовное право обрекается на использование только логико-юридических методов. Неверным будет и другой подход: якобы все социологические исследования преступности входят в предмет науки уголовного права. Такая точка зрения не соответствует сложившейся действительности и существенно обедняет криминологические исследования.

Проводя разграничение между этими научными направлениями, В.П. Казмирчук и В.Н. Кудрявцев отмечают, что криминологические исследования вовсе не исключают социологических исследований в уголовном праве. В то же время, по их мнению, различие между ними следует проводить не менее чем по трем основаниям.

Во-первых, криминология и уголовное право хотя и изучают одну область явлений (преступную деятельность людей), но на разных этапах ее осуществления. Если рассматривать антиобщественное поведение человека в различных стадиях его формирования и осуществления, то можно обнаружить, что ранние этапы (формирование антиобщественных взглядов человека, возникновение конфликтной ситуации, создание поводов к преступлению и условий, ему благоприятствующих; наконец, появление мотива и конкретных планов достижения преступной цели) входят в предмет криминологии, а не уголовного права. Дальнейшие события, начиная с приготовления к преступлению и до наступления преступного результата, изучаются уголовным правом, которое распространяет сферу своих интересов и на уголовно-правовые последствия преступных действий (назначение наказания и освобождение от него).

Во-вторых, различны цели исследований в области криминологии и уголовного права. Криминологические исследования направлены на раскрытие причин преступности и разработку системы предупредительных мер. Задача уголовного права более специфична: как правовая система оно направлено на установление и реализацию уголовной ответственности в отношении тех, кто совершает преступления. Поэтому преступление как социальное явление науку уголовного права интересует главным образом в плане уголовной ответственности за его совершение (с точки зрения оснований, условий, форм ответственности, а также ее социальной обусловленности и эффективности).

В-третьих, совершенно различна правовая регламентация тех мер, которые изучаются и рекомендуются этими науками. Наука уголовного права анализирует свой предмет на базе и в рамках уголовного законодательства и практики его применения. Криминология же содержит, если можно так выразиться, только социально-нравственные и организационные нормы и рекомендации [5, с. 32–33].

Некоторые исследователи предмет криминологии иногда рассматривают достаточно широко [21]. Такой подход обусловлен смешением понятий ее предмета и объекта. А это недопус-

тимо. Расширение либо сужение предмета науки в равной степени недопустимы, ибо в первом случае это ведет к размыванию границ предмета исследования, во втором – обедняет возможности в ее поиске. Как представляется, предметом криминологии является преступность, которая характеризуется определенными признаками и показателями. Однако в рамках рассмотрения криминологической обусловленности уголовного закона замыкаться только лишь на изучении показателей преступности не стоит. Здесь необходимо проводить комплексные исследования, в том числе учитывать и так называемые криминальные «фоновые» явления как органическую, но вспомогательную часть криминологической науки [7]. Поэтому в отдельных случаях нельзя исключить расширение предмета криминологии за счет проблем, прямо или косвенно касающихся изучения преступности. Однако такие «отступления» должны быть тщательно обоснованы, поскольку изучение социальной обусловленности уголовного закона носит не только теоретический, но прежде всего прикладной характер.

Представляя собой сложное социальное явление, преступность характеризуется количественными и качественными показателями: объемом (состоянием), интенсивностью (уровнем), динамикой и структурой. Каждый из них играет свою особую роль в оценке преступности, но, взятый в отдельности, не может дать объективного представления о ней. Только во взаимосвязи друг с другом показатели преступности могут нести определенную ясность. В одних случаях они ведут к изменению уголовно-правовых норм (уголовного закона), а в других к их отмене (декриминализации). Изучение этой зависимости и разработка соответствующей методологии позволит сформулировать концепцию криминологической обоснованности уголовного закона. Следовательно в самом общем виде криминологическую обусловленность уголовного закона можно представить как его соответствие количественным и качественным показателям преступности. При этом необходимо учесть, что выявить криминологические обоснования всех без исключения уголовно-правовых норм крайне сложно. Это суждение относится как к нормам Общей части уголовного закона, так и к нормам Особенной части, поскольку включение отдельных статей в уголовный закон может быть вызвано международными обязательствами или же причинами иного характера, прямо не связанными с показателями преступности в конкретной стране. В этом случае доминирующим основанием введения в уголовный закон той или иной нормы являются субъективные причины (политическая воля законодателя).

Учитывая, что отдельные аспекты декриминализации нами уже ранее рассматривались, кратко остановимся на проблеме декриминализации. Как известно, декриминализация означает обоснованное исключение из уголовного закона тех деяний, которые потеряли общественную опасность, или же когда возникла иная обоснованная причина их отмены. Такие деяния могут быть переведены в административные проступки, гражданские деликты или вообще не рассматриваться как правонарушения. В этом случае автоматически происходит и их депенализация. Рассматривая проблемы декриминализации, В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов указывают несколько ее причин (оснований): а) декриминализация необходима при серьезном изменении политических и экономических отношений в стране; б) декриминализация нужна, если уголовный закон расходится с общественной нравственностью; в) декриминализация возможна, если с нежелательными формами поведения можно вести борьбу иными, более мягкими (и, возможно, более действенными) средствами, чем уголовное наказание; г) декриминализация является вынужденной, если закон упорно не выполняется значительной частью населения [8, с. 103–105].

Указанные положения, безусловно, имеют важное теоретическое значение при рассмотрении общих вопросов декриминализации. Однако они не позволяют выявить зависимость процессов декриминализации конкретных преступлений от показателей преступности. Следовательно при декриминализации, как и при криминализации, в настоящее время нет четкого механизма учета криминологических данных. Отсюда можно заключить, что изучение зависимости содержания уголовного закона от количественных и качественных показателей преступности находится лишь на начальном этапе.

Таким образом, являясь комплексной проблемой, изучение криминологической обусловленности уголовного закона требует комплексного решения, с привлечением различных специалистов, которые бы занимались изучением не только вопросов влияния показателей преступности на действующее законодательство, но и, в свою очередь, осуществляли изучение обратных процессов. Поскольку в нашей стране уже создано и функционирует государственное

учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», одной из задач которого является проведение криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов [12], возможно, именно в рамках функционирования указанного учреждения целесообразно проводить исследования на соответствие действующего или же проектируемого уголовного закона (уголовно-правовой нормы) совокупности криминологических знаний о преступности. Проведение таких исследований в целом не противоречит имеющим место научным подходам к пониманию сути криминологической экспертизы [19, с. 17–22], однако этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Библиографические ссылки

1. Волженкин Б.В. Уголовное право и криминология // Правоведение. 1976. № 2.
2. Герцензон А.А. Уголовное право и социология (Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики). М. : Юрид. лит., 1970.
3. Гомонов Н.Д. О предмете современной криминологической науки // Вестн. МГТУ. 2004. Т. 7. № 1.
4. Жалинский А. О современном состоянии уголовно-правовой науки // Уголов. право. 2005. № 1.
5. Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н. Современная социология права : учеб. для вузов. М. : Юрист, 1995.
6. Козаченко И.Я. Криминологическая обусловленность уголовно-правовых норм // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика : сб. ст. / Рос. криминол. ассоц. ; редкол.: А.И. Долгова (отв. ред.) [и др.]. М., 2002.
7. Криминологический мониторинг состояния преступности в Санкт-Петербурге и прогнозирование ее изменений : науч.-практ. пособие. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2011.
8. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы декриминализации // Журн. рос. права. 2005. № 4.
9. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы криминализации // Там же. 2004. № 12.
10. Милуков С.Ф. Проблемы криминологической обоснованности российского уголовного законодательства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. СПб., 2000.
11. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм : учеб. пособие. Волгоград : Высш. следств. шк. МВД СССР, 1973.
12. О криминологической экспертизе : указ Президента Респ. Беларусь, 29 мая 2007 г., № 244 : в ред. указа Президента Респ. Беларусь от 6 июня 2011 г. № 230. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Орехов В.В. О социологических исследованиях в уголовном праве // Вестн. ЛГУ. Сер. 6. 1991. Вып. 1.
14. Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними (уголовно-правовое и криминологическое исследование). Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1965.
15. Саркисова Э.А. Предупредительная роль уголовного закона. Минск : Наука и техника, 1979.
16. Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М. : Юрид. лит., 1986.
17. Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983.
18. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск : Изд-во ТГУ, 1981.
19. Хомич В.М. Криминология правообразования, или К вопросу о сущности и понимании криминологической экспертизы // Законность и правопорядок. 2007. № 1.
20. Шарапов Р.Д. Парадигма взаимодействия уголовного права и криминологии (на примере криминологической теории насильственной преступности) // Юрид. наука и правоохран. практика. 2006. № 1.
21. Шнайдер Г.Й. Криминология : пер. с нем. М. : Прогресс – Универс, 1994.
22. Яковлев А.М. Социология преступности (криминология) : Основы общей теории. М. : Содействие : Новый век, 2001.

Дата поступления в редакцию: 14.10.2011

УДК 343

*Т.Г. Терещенко, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии
МВД Республики Беларусь*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УМЫШЛЕННОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ТЯЖКИХ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ БЕЛАРУСИ ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Исследуется исторический аспект развития уголовной ответственности за умышленное причинение тяжких телесных повреждений с момента зарождения уголовно-правовых норм и до советского периода. Приводится анализ основных памятников права Беларуси, Российской империи и интерпретация норм права учеными современности. Автором проведен системный анализ указанных положений как с точки зрения формирования конструкции преступления, описания его признаков, так и с позиции установления конкретных санкций за его совершение.

The article deals with historical aspects of criminal liability for intentional infliction of grievous bodily harm since the inception of criminal law and to the Soviet period in history: an analysis of the major monuments of law in Belarus, the Russian Empire and the interpretation of the law scholars today. The author carried out a systematic analysis of these provisions, both in terms of forming design crimes, descriptions of his symptoms, so from a position of establishing specific penalties for its commission. The article is of particular interest for the present, to explore approaches to the assessment of lawmakers acts recognized as criminal.